

Собственность, соборность и земские принципы как древнерусские истоки жизнедеятельности старообрядцев

С позиции сегодняшнего (и не только) дня на старообрядцев можно и нужно смотреть не как на носителей в чем-то забытых традиций, но прежде всего как на обладателей таких черт, которые очень востребованы в рыночной экономике, в осуществлении социальных реформ, в восстановлении самобытных форм хозяйствования и традиционной продукции. В основе позитивных качеств лежат психогенетический фонд и этнокультурные традиции, которые староверы вынесли из древнерусского бытия. В статье показано, что основу характеров и общинной психологии староверов составляют такие взаимосвязанные и взаимопроникнутые атрибуты, как **собственность**, **соборность**, **способности**, личностные **особенности**. В старообрядческой среде особенно ярко проявились русские традиции «помочей», т. е. коллективного труда, вдохновленного не столько утилитарно-экономическими, сколько нравственными и религиозными целями. Общие черты и качества: религиозно-духовное единение, самообеспечение и саморегулирование, неприятие над собой никакого начальства, самоволие, стремление к независимости, желание полной свободы действий в своей религиозной и общественной жизни, – вот основные социально-психологические причины, обеспечившие не только выживание старообрядческих общин в труднейших условиях Сибири, но и их поступательное развитие. Восстановить ряд значимых качеств и традиций – актуальная задача ближайшего времени.

Ключевые слова: собственность, соборность, земства, община, коллективная психология, предпринимательство, сельскохозяйственное производство.

А. Д. Карнышев

Property, conciliarity and territorial principals as an Old Russian foundation of Old Believers livelihood

From the perspective of current (and not only) day the Old Believers can be and should be viewed as a carrier of to some extent forgotten traditions, but above all as the owners of such traits which are solicited in the market economy, in the implementation of social reforms, restoring original forms of farming and traditional products. The basis of positive qualities comes from psychogenetic fund and ethno-cultural traditions that Old Believers preserved from the Old Russian lifestyle. The article shows that the character and community psychology of Old Believers is based on interrelated attributes as property, collegiality, capability, personality. Among Old Believers especially developed the tradition of “pomochy” (help, mutual support), i.e. collective work inspired not so much by utilitarian and economic causes, but moral and religious purposes. Common features and qualities: religious-spiritual unity, self-reliance and self-regulation, rejection of any authorities, self-will, desire for independence, desire for complete freedom of actions in their religious and social life – these are the social and psychological reasons that has ensured not only the survival of the Old Believers communities in the most difficult conditions in Siberia, but their progressive development. The author concludes that to restore a number of significant qualities and traditions of Old believers is a vital task at present.

Keywords: property, collegiality, zemstvo, community, collective psychology, entrepreneurship, agricultural production.

Религиозные установки старообрядцев до сих пор вызывают неприятие и дискуссии в различных церковных кругах. Между тем, социальная и хозяйственная эффективность старообрядческих общин в российской (и не только) истории ярко свидетельствует о том, что многие их «мирские» традиции могут и сегодня «работать» на совершенствование экономических отношений, на укрепление социального положения людей, особенно в сельскохозяйственной сфере. В связи с этим анализ других «нерелигиозных» социально-психологических преимуществ, достоинств и потенциалов старообрядчества становится целесообразным и значимым. При этом важно найти глубинные истоки внутренних ресурсов старообрядчества, которые были и есть в фундаменте их национально-го характера. К таковым, на наш взгляд, можно отнести особенности отношения к земле и собственности. В струе данной мысли целесообразно рассмотреть несколько понятий, в которых так или иначе звучит древнерусская основа. Приведем эти слова и попытаемся проследить в них нечто формально общее и подойти к осознанию содержательной сути этого общего.

- особенность
- способ
- способности
- пособие (денежное)
- особняк
- собственность
- собственный

Формально бросается в глаза наличие общего корня «**соб**», смысл которого не сразу ясен. Но если подключить еще одно слово: «**соба**», то становится понятным, что родственность всего «букета» понятий обеспечивается смыслом, который весьма близок к современному термину «личность» – отдельное существо, лицо. Отсюда вытекает: *особенность* – индивидуальная характеристика человека; *способ* – то, каким образом исполнитель действует; *способность* – качество, обеспечивающее успешность человека в какой-либо деятельности; *особняк* – дом, принадлежащий конкретному индивиду; *пособие* – материальная помощь нуждающемуся и т. д. Историко-этимологический анализ тезауруса рассматриваемых понятий также показывает их личностно-детерминированную связь. Так, М.Фасмер в своем словаре, анализируя истоки слова *собственный*, отмечает, что оно производно от церковнославянского *собъство* – свойство, своеобразие, сущность. С данным словом связано *собити* – присваивать, приобретать и *собина* – собственность, имущество. У В. Даля слово *собственность* происходит от корня *собь*, что когда-то означало все свое: имущество, пожитки, богатство. Одновременно в психологическом плане очень важно подчеркнуть, что *собь* представлял свойства нравственные и духовные, личные качества человека. Об этом в словаре говорит понятие *собный* – к себе относящийся. В этимологическом «советском» словаре Н. Шанского слово *собственность* вообще не представлено (!), а *собственный* этимологически поясняется как производное от *собъство* в значении особенность, лицо. Поясняется, что в корне *собь* лежит название существа. Кстати, в словаре С. И. Ожегова послереволюционного

времени наблюдается определенная идеологическая дискредитация сути понятия: во втором значении *собственник* – это тот, кто стремится больше иметь, кто поглощен собственническими интересами. Естественно, такой человек в чем-то был антиподом коллективисту, равнодушному к частной собственности. Таким образом, приведенные трактовки вновь подтверждают, что слово *собственность* своими корнями восходит к понятию личность как отдельного человека, существующего «в себе и для себя».

Таким образом, краткий экскурс в «динамику» развития древнерусского понятия «собственность» указывает на его психогенетическую подоплеку. Анализ демонстрирует специфическую основу личности в корне *соб*, а собственность раскрывается как имущество, вещи, предметы, некоторые «плоды трудов и таланта», принадлежащие личности. Они дороги человеку, поскольку составляют наиболее значимую часть его внешнего и внутреннего мира. И конечно же может существовать и обратное соотношение: влияние «мира собственности» на характеристики личности. Положительная или отрицательная оценка данного соотношения во многом зависит от идеологической направленности.

Несколько слов надо сказать в адрес слова *особа*, которое в старину характеризовало прежде всего авторитетного, почтенного человека: *важная особа*, *известная особа*. И опять-таки в данном слове «звучат» индивидуалистические, личностные нотки, поскольку оно образовано на базе общеславянской предложно-падежной формы *о себе* – «для себя», а в древнерусском языке эта же форма означала «отдельно, сам собой». Интересно, что в Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья формы *особе* и *в особь* поясняются как «отдельно» [16].

Отражая нечто личное, корень *соб* в то же время связан и с некоторыми общественными явлениями. Речь идет о понятиях *собор*, *соборность*, анализ сути которых достаточно сложен. Но такой анализ необходим, поскольку в среде старообрядцев он выводит не только на религиозные атрибуты, но и на светские явления коллективного характера. Для отечественной социальной и экономической психологии очень важно увидеть взаимосвязь категории «соборность» с некоторыми другими. Дело в том, что в ряде словарей (М. Фасмер, Н. Шанский) слово *собор* трактуют как кальку от греческого слова *синагога*, а последнее в иностранных словарях означало молитвенный дом или общину верующих иудеев. Но в сути своей и синагога, и собор выражали «созыв», «сбор» в одно место нескольких лиц ради определенной церемонии. Поскольку в русском языке *соб* в какой-то мере означало личность, то *собор* вполне можно трактовать как собрание личностей. Такому объяснению слова находят исторические подтверждения. Для этого обратимся к известному в России понятию «земские соборы», возникшему задолго до раскола и несомненно известному старообрядцам. При анализе рассмотрим содержание каждого из его составляющих слов. Во-первых, термин *земцы* или *своеземцы* впервые появился в Новгородской Руси и обозначал он класс крестьян-собственников, каковых более не встречалось на пространных княжеской Руси: там крестьяне работали либо на государственных, либо на частных господских землях. Земледелие земцев отличалось некоторыми особенностями и своеобразными чертами:

- они редко владели землей или приобретали ее в одиночку;
- они по своим владениям располагались «гнездами», создавали земледельческие товарищества;
 - в основе этих товариществ были родство или договор;
 - многие обрабатывали землю совместно;
 - они владели землей на правах полной собственности и поэтому могли: менять и продавать ее, выкупать землю у родичей, отдавать в приданое за дочерьми;
 - даже женщины, вдовы и сестры являлись владелицами и совладелицами таких земель, что в то время было редкостью [10, т. 2, с. 77-78].

Таким образом, изначально и понятие «земский» было связано с собственностью. Впоследствии *земством* в широком смысле слова стали называть совокупность всех постоянных жителей известной территории, в более узком смысле – собрание выборных от этих жителей для управления местными делами. Несомненно, что «будущие раскольники», как пассионарная часть русских людей проходили соответствующую науку. Земские же соборы, действовавшие в XVI–XVII вв., были в Московском государстве чрезвычайными представительными собраниями «всякого чина людей». Принципиальным было то, что по своему характеру земские соборы, или как их еще называли «великие земские думы», напоминали древнерусские вече. Историк Н. И. Костомаров проводил параллель между этими двумя институтами, видя в соборе расширенное вече уже не местного, локального, а государственного уровня.

Данный исторический экскурс дает право провести двоякий анализ слова *соборность*. С одной стороны, оно выражало принцип сообщества людей размышлять и действовать общими силами, согласием и сопониманием. В свое время суть такого принципа рьяно проповедовал К. Аксаков. Он выступил против родовой теории организации общества и в защиту общинной, поскольку в роде господствует родоначальник, а русские племена управлялись собраниями, в которых вождь был лишь председателем. Писатель считал, что сельский сход, вече и земский собор – это формы управления общинными организациями. Мыслитель из Сибири Н. Щапов на основе земств выдвигал принцип «народосоветия». Он писал: «Как практический дух народа, на основании земского устройства областных общин, на основании многовекового опыта жизненной исторической практики, сам собой создал принцип земского народосоветия и выразил его в формах областных земских советов и московских земских соборов, так этот же практический смысл народа заключал в себе природную способность к земскому народосоветию» [19, с. 175-176, 172].

Другая сторона может быть представлена иными реалиями. Исходя из приведенных фактов происхождения земств, как товариществ собственников, а также близости понятий *личность* и *собственность*, в психолого-экономическом плане слово *соборность* можно рассматривать в качестве совместного владения и управления собственностью. В психолого-экономическом плане оно выступало основой любого сообщества: и религиозные, и любые другие общины не могли долговременно существовать, а тем более развиваться, не обеспечивая себя экономическими ресурсами и другими управлениями.

Соборность русских людей и в местном, и в государственном вариантах изначально была способом решения не только политических, но и экономических вопросов. Например, на земском соборе 1642 г. в Москве его представители требовали:

- справедливого равенства в раскладке земских податей и повинностей;
- писцовой поземельной системы государственных поборов;
- экономической отчетливости в распоряжении народными доходами для нужд государства;
- советовали устроить земский, народный контроль над казенными сборами, контроль земских людей добрых, выборных из всех чинов человека по два и по три;
- требовали, «чтоб и неслуживые с неслуживыми в равенстве были, никто-б в избылтых не был».

Следуя как бы в русле данных требований, старообрядцы на опыте познали, как вредно в деле свободной народной организации сельских работ вмешательство, опека и контроль приказного начальства, – и потому так решительно протестовали против официального управления, против уничтожения старинных обычаев самоуправления. Во всем этом чувствовалось нравственно-психологическое здоровье и вековое коллективное единение в решении проблем совместной жизни.

«Согласие», совместимость понятий «собственность», «соборность» и «власть» в сознании русского человека более поздних периодов можно проиллюстрировать интересным примером. В нем *моя* собственность на землю сливается с *нашей*, и обе они проистекают из естественности существования человека. А. И. Герцен в статье «Русские немцы и немецкие русские» отмечал наличие в сознании русских мужиков уверенности в существовании *права каждого работника на даровую землю*. «Крестьянин на нем стоит, он его мерит десятинами, и для него его право на землю – естественное последствие *рождения и работы*. Оно так же, несомненно, в народном сознании, так же логически и вытекает из его понятия родины и необходимости существования возле отца, как право на *воздух*, приобретаемое дыханием, вслед за отделением от матери». Если эту мысль проиллюстрировать положением прибывших в Сибирь в половине XVIII в. старообрядцев-семейских, то они, естественно, считали своей ту землю, которую они получили в здешних краях. Для старообрядцев Забайкалья вопрос собственности – это прежде всего вопрос о земле. О том, какое значение для семейского имеет земля, свидетельствует мудрая крестьянская заповедь, записанная известным фольклористом Л. Е. Элиасовым: «Земле мы кланяемся, земле хвалу поём, землю слезами мочим, земля нам поддержка во всем, только она держит, только она нас кормит, детей наших растит. От земли мы идём, к земле придём. Ты одна наша надежда во всей жизни» [3, с. 106]. В данной исповеди семейского крестьянина земля является функцией труда, духовным проявлением, а не только капиталом.

В формировании отношения к собственности в старообрядчестве огромную роль сыграла община. По примеру Выговского общежительства экономическую базу старообрядческих общин составляло как общинное, так и частное хозяйство предпринимателей старообрядцев. Причем капиталы купцов-староверов со-

ставляли большую часть собственности общин. «Предприниматели-староверы были уверены, что не являются полными и безраздельными собственниками. Они считали себя лишь “Божьими доверенными по управлению собственностью”, данной им Господом». Таким образом, община для старовера как бы представляла собой нечто вроде посредника между верой и человеком. И отдавать собственность общине означало укреплять истинную веру.

В старообрядческих общинах на основе житейской необходимости складывались следующие формы саморегулирования совместной жизнедеятельности. Во-первых, осуществлялась дифференцированная раскладка всякого рода податей, которую производили сами общинники с учетом средств и силы плательщиков. Во-вторых, многие жизненно необходимые решения принимались вне всякого административного вмешательства и были в целом максимально эффективны.

Что касается распределения общих доходов общины и раскладки повинностей и денежных сборов, то старообрядческая община дает интересный пример системы социальной помощи и справедливого распределения. Например, деньги от пойманного зверя в старообрядческом поселении в Маньчжурии делили между семьями поровну, подарки от посетителей также не попадали в руки к кому-либо в исключительное владение ЭС [11, с. 217]. В семейских общинах на Амуре была установлена справедливая раскладка взносов хлеба по семействам. В среднем каждый хозяин должен был вносить до 40 пудов каждый год, причем богатые вносили больше, бедные меньше. Кроме того, бедным разрешалось пользоваться платою за доставку хлеба в Читу [4, с. 78]. Подобная система распределения сборов и социальные гарантии, безусловно, способствовали развитию предпринимательства, готовности идти на риск, давали гарантии социальной защищенности.

После работ М. Вебера, раскрывших прямое и косвенное влияние религии на экономическую жизнедеятельность многих народов, схожий сравнительный анализ осуществили ученые и в отношении конкретных этноконфессиональных групп. Признавая некоторую схожесть в отношении к труду, собственности и другим экономическим реалиям, заложенным, например, как в протестантской, так и в старообрядческой этике труда, исследователи выделяют несколько нюансов, которые их отличают. Р. Андерсон и П. Шихирев среди характерных черт протестантской этики труда выделяют умеренность в личном потреблении и аскетизм. В старообрядческой этике хозяйствования также отмечаются бережливость и экономия. Однако, если протестанты-предприниматели наживают богатство для себя, так как убеждены, что пользу обществу может приносить лишь состоятельный человек, и чем больше количество состоятельных людей, тем сильнее общество. У купцов-старообрядцев на первом месте – общественное благо, забота о пользе всему народу, проявление милосердия, пожертвование для других [1, с. 59].

Купцы из старообрядцев про богатство говорили, что «Бог дал его в пользование и потребует по нему отчета». Материальные блага, согласно старообрядческой этике хозяйствования, предназначаются для того, чтобы откладывать и выгодно приумножать их. Достижение же успеха в земной жизни рассматривается как благословение Божие. Богатство также служит доказательством твердо-

сти веры, поскольку именно размер богатства оказывается индикатором силы веры и приближенности к спасению того или иного человека, его истинного противостояния миру антихриста. Староверам, не имевшим возможности получить официальную власть и преследуемым официальной никонианской церковью, богатство давало экономическую самостоятельность, некоторое превосходство над притеснителями. Отсюда и высокая оценка людей, наживших капиталы: признак их работоспособности, предприимчивости и бережливости. И, наконец, богатство для старовера – неотъемлемый атрибут трудолюбия и расчетливости, которые составляют основу старообрядческой этики хозяйствования и высоко ценятся в старообрядческой среде. Ярким подтверждением таких подходов были конкретные личности, которые отличались не только своей активностью в торговле и предпринимательстве, но и своей открытостью к людям, своей благодетельностью. Среди них было много известных людей. В центральной России к ним относились известные предпринимательские семьи: Морозовы, Прохоровы, Гучковы, Рябушинские, Хлудовы, Коноваловы и др., которые своими меценатством и «спонсорством» были известны далеко за пределами России.

Приступая к «осовремениванию» исторических аспектов старообрядческой общины, подискутируем с позицией А. О. Бороноева и П. И. Смирнова по поводу недостатков русской общины вообще, не позволяющих сформировать рыночный менталитет. Вот суть их мнения.

«Во-первых, строгое проведение принципа справедливости по отношению к земле (предоставление всем общинникам равных участков одинакового качества) вело к ужасающей раздробленности отдельного надела. ... Хозяйство как модус обретения социальной значимости, *было недоступно большинству крестьян на законных и нравственно оправданных в общине основаниях*. Хозяйство было всего лишь средством прокормиться.

Во-вторых, нерациональное ведение хозяйства делало невозможным приобретение Богатства честным трудом. Как известно по народному представлению «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Да и вообще *Богатство в русской деревне считалось скорее отрицательной ценностью*, о чем свидетельствует фольклор, где богачи, как правило, изображаются отрицательными персонажами...

В-третьих, *крестьянину в общине было недоступно мастерство в ведении хозяйства*. Отчасти по уже упоминавшейся невозможности рационализировать его в условиях общины. Отчасти же потому, что большинство основных полевых работ крестьянин проводил не по своей воле и охоте, не по своему «разумению», а по решению общины и одновременно со всеми [5, с. 297-298; выделено мной. – А. К.].

Как показал анализ многих работ по старообрядческой общине, а также наши исследования, старообрядцам удалось или избежать большинства указанных недостатков, или нивелировать их в сторону эффективной предпринимательской психологии. Данное обстоятельство делает возможным использовать многие компоненты старообрядческой хозяйственно-экономической культуры в интересах современной рыночной экономики.

Своим упорством, работоспособностью и коллективизмом семейские смогли быстро преобразовать некогда пустынные места Забайкалья, превратив их в житницу для многих других сибирских районов. Побывав в их селах и увидев

плоды их труда, А. Розен написал: «Почва родит славнейшую пшеницу, коей белизна муки не уступит муке московских калачей и французских булок, а кроме того находил я приятный вкус и запах пшеничный, который бывает в удачных свежих малороссийских поленницах. По богатству и довольству поселян мне представилось, что вижу трудолюбивых русских в Америке, а не в Сибири: но в этих местах Сибирь не хуже Америки, земля также привольная, плодородная; жители управляют сами собою, сами открыли сбыт своим произведениям и будут блаженствовать, пока люди бестолковые не станут вмешиваться в их дела, забывая, что устроенная община в продолжение века лучше всех посторонних понимает действительную выгоду свою» (см. 9).

Имея трепетное отношение к земле, семейские в первые годы Советской власти были благодарны ей за поддержку настоящего хозяина за предоставление ему свободы и инициативы. Но многие из них «отвернулись» от власти, когда она приступила к экономическому давлению на крестьян, принудительной коллективизации и раскулачиванию. Ведь ориентированный на традиционные ценности земельных отношений и «народосоветия» при организации совместного производства, зажиточный старообрядец весьма негативно относился к административным методам управления и различным продрозверсткам. Именно в старообрядческих селах Бурятии в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. больше всего вспыхивали крестьянские восстания. Один из активных участников восстания Е. Т. Иванов (с. Малый Куналей) так объяснял его причины на следствии (цитируется по неправленному протоколу допроса): «...в 1929 г. со стороны властей к крестьянству были применены большие налоги о выполнении хлебозерном, что до этого не было и крестьянство не жаловалось, если и были отдельные налоги, то их выполняли и не роптали. А в этом году слишком прижимали крестьян, в особенности это имело место во время хлебозаготовок осенью 1929 г., когда наиболее крепкие хозяйства стали облагаться налогами настолько, насколько они намолотили вообще, а их принуждали вывезти или говорили, что в противном случае имущество будет распродано и будет взыскано в пятикратном размере... Среди населения стали ходить слухи и толки, что власть хочет от крестьянина забрать весь хлеб, разорить хозяйства и оставить голодом. Сразу же после хлебозаготовок властью стали проводиться меры к объединению крестьянских хозяйств в коллективы – колхозы и коммуны. Крестьянство снова стало роптать, т. к. они в эти колхозы идти не хотят, а хотят работать каждый сам по себе и вести свое хозяйство в отдельности... Видя все это, стали говорить, что власть поступает неправильно – сначала забрала хлеб, а теперь хочет загнать в колхозы и забрать все..., что наживалось веками и сделать крестьянина нищим, батраком... это только приведет к вражде и недовольству. Все будет разорено, уничтожено и тогда страна будет переживать еще больше недостатков и народ будет голодать. В 1929 году это было применено и к моему хозяйству, которое было распродано в один день, что наживалось мною в течение сорока лет...» [6, с. 56-57].

Многие люди в то время поняли, что не может быть настоящего хозяина без введения частной собственности на землю. Организаторами восстания в ряде семейских сел была сформулирована его конечная цель – установление на территории района, а в перспективе и республике, президентского правления, за-

щищающего частную собственность и, в первую очередь, на землю. Были выдвинуты политические лозунги выступления «Свержение советской власти и установление власти крестьянской, которая не будет отбирать хлеб», «За свободную торговлю и частную собственность» [там же, с. 59].

Рассмотренный пример из истории семейских показывает, что вопрос о собственности на землю в истории России не утерял своей актуальности. При этом страсти касались не только экономических аспектов владения и пользования землей, но и проистекающих отсюда политических вопросов, а также нравственного отношения к земле. Эти вопросы дискутируются и сегодня. И чтобы понять особенности отношения «современных старообрядцев» к земле, надо увидеть общие тенденции данных изменений в российском обществе.

Стоит вспомнить, что даже в конце 90-х гг. XX в. – начале 2000-х в стране продолжались споры о целесообразности частной собственности на землю и недвижимость. Значительная часть населения, воспитанная в советское время, была против этого шага. Но в среде старообрядцев была несколько иная картина. В проведенном нами исследовании в с. Тарбагатай Республики Бурятия в 2002 г. мы задавали респондентам вопрос о том, поддерживает ли население частную собственность на землю. Результаты опроса жителей отражены в таблице 1.

Таблица 1

Отношение жителей старообрядческого села к стремлению людей иметь в частной собственности землю (в %) (N=215)

1. Полностью и безусловно поддерживаю его	26
2. Поддерживаю его, но учитываю при этом, как эти земли распределяют	47
3. К стремлению людей владеть землей я равнодушен и так же отношусь к подобным стремлениям людей.	7
4. Не одобряю этого стремления, хотя, наверное, частная собственность на землю необходима	13
5. Категорически не одобряю	6
6. Другое	1

Полученные данные свидетельствуют о значительной поддержке старообрядцами уже в то время частной собственности на землю. При этом большинство респондентов отмечали необходимость учитывать еще и то, как распределяются земли.

Таким образом, массовое сознание многих людей, «близких» к земле, не разрывало и не разрывает «чувство хозяина» с «правом собственности», хотя и в советское время, и отчасти сегодня реальность давала мало шансов на полноценную обработку земли индивидуальному «землеробу». В постсоветские годы к пониманию нужности и значимости частной собственности на землю приводило, на наш взгляд, еще одно обстоятельство: многие крестьяне-старообрядцы видели «массовое крушение» колхозов и совхозов, вызванное экономическими

причинами, а также серьезные изменения в трудовой мотивации работников агропромышленного комплекса, вовлеченных в коллективные хозяйства. Исчерпавшая себя эффективность колхозов и совхозов побуждала искать иные формы организации агропроизводства. И здесь становились востребованными внутренние ресурсы старообрядческого населения, ориентированного прежде всего на работу в сельском хозяйстве. Речь идет не только и не столько о мотивации сельских тружеников, сколько о реальных возможностях вести конкретные дела.

В связи с этим нашим респондентам был задан вопрос о готовности ведения фермерского хозяйства или занятии предпринимательской деятельностью в сельском хозяйстве. Мы получили следующие результаты исследования, которые отражены в таблице 2.

Таблица 2

Оценка готовности респондентов к ведению фермерского хозяйства или занятиям предпринимательской деятельностью (в %)

Считаете ли Вы, что готовы для самостоятельного ведения фермерского хозяйства или какой-то предпринимательской деятельности?	Кол-во (N=215 чел.)
Полностью готов	13
Скорее готов	31
Скорее не готов	45
Полностью не готов	11

Результаты опроса показывают, что готовность и неготовность к фермерству близки и в процентном соотношении. Это связано, скорее всего, с тем, что существующие формы собственности и экономические условия в целом до последнего времени предоставляли мало шансов на полноценное занятие сельским хозяйством, не давая, таким образом, исконным землепашцам почувствовать себя настоящим хозяином на своей земле. Развитие проанализированных в статье качеств и свойств усилит предпринимательские и нравственные потенциалы старообрядцев.

Тем же примером подведём итог статьи. С позиции сегодняшнего (и не только) дня на старообрядцев можно и нужно смотреть не как на носителей в чем-то забытых традиций, но прежде всего как на обладателей таких качеств, которые очень востребованы в рыночной экономике, в осуществлении социальных реформ, восстановлении самобытных форм хозяйствования и традиционной продукции. В основе позитивных качеств лежит психогенетический фонд и этнокультурные традиции, которые староверы вынесли из древнерусского бытия. В статье показано, что основу характеров и общинной психологии староверов составляют такие взаимосвязанные и взаимопроникнутые атрибуты, как **собственность, соборность, способности, личностные особенности.** В их индивидуальную и коллективную жизнь многое внесли дораскольничьи локальные земства, обеспечившие трепетное отношение к земле и принципы «народосоветия». На основе названных образцов старообрядцы жили относительно изолированными поселениями, отличались не только спецификой религиозных воззрений, но и со-

хранением самобытности древней русской культуры, нравственно-психологическими заповедями хозяйствования труда и совместного общежития. В старообрядческой среде особенно ярко проявились русские традиции «помочей», т. е. коллективного труда, вдохновенного не столько утилитарно-экономическими, сколько нравственными и религиозными целями. Общие черты и качества: религиозно-духовное единение, самообеспечение и саморегулирование, неприятие над собой никакого начальства, самоволие, стремление к независимости, желание полной свободы действий в своей религиозной и общественной жизни, – вот основные социально-психологические причины, обеспечившие не только выживание старообрядческих общин в труднейших условиях Сибири, но и их поступательное развитие. Восстановить ряд значимых качеств и традиций – актуальная задача ближайшего времени.

Литература

1. Андерсон Р., Шихирев П. «Акулы» и «дельфины» (Психология и этика российско-американского делового партнерства). – М.: Дело ЛТД, 1994. – 208 с.
2. Антонов А.В. Старообрядчество и новое мышление// На пути к свободе совести. – М.: Прогресс, 1989. – С. 314-336.
3. Байкальские легенды и предания // Фольклорные записи / предисл., коммент. Л. Е. Элиасова. – 2 доп. и перераб. изд. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. – 256 с.
4. Болонев Ф.Ф. Семейские: историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. – 224 с.
5. Бороньев А. О., Смирнов П. И. Российский менталитет и реформы // Общество и политика. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 274-302.
6. Доржиев Д. Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20-30 годы. – Улан-Удэ: ОНЦ «Сибирь», 1993. – 82 с.
7. Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. – М.: Советская Россия, 1991. – 336 с.
8. Карнышев А.Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1997. – 184 с.
9. Карнышев А. Д., Помуран Н. Н. Этнопсихология старообрядчества. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2006. – Науки, 1989..
10. Ключевский. Сочинения: в 10 т.
11. Накамура Ё. Романовка – поселок староверов в Маньчжурии // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. науч. тр. / РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т истории; отв. ред. Н. Н. Покровский. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 217-221.
12. Миненко Н. А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск,
13. Михайлова Н. Церковь и раскол XVII века // Благодатный огонь: православный журнал. – 1998. – №2. – С. 3-24.
14. Моррис Р. А. Сохранение и изменение этничности в полиэтничной среде // Этнические процессы в СССР и США: материалы совет.-америк. симпозиума. – М., 1986. – С. 163-184.
15. Проблемы экономической психологии. Т. 1 / отв. ред. А. Л. Журавлев, Б.Купрейченко. – М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2004. – 620 с.
16. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, Науч.-изд. центр ОИГТМ, 1999. – 540 с.
17. Станиловский А. М. Записки. Посмертное издание. – Иркутск: Тип. Товарищества печатного дела, 1912. – 191 с.
18. Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Покровский. – Новосибирск: Наука, 1992. – 325 с.
19. Шапов А. П. Избранное. – Иркутск, 2001. – 340 с.